

Ханна Сигал. Заметки о формировании символа.

Перевод Е. Павловой

Понимание и интерпретация бессознательной символики являются одними из основных инструментов психолога. Нередко возникает необходимость выявить и понять значение не только самого символа, но и также и всего процесса его формирования. Это, в частности, относится к работе с пациентами, демонстрирующими нарушение или задержку в формировании символа или свободном обращении с символами, например, психотическими или шизоидными пациентами.

Приведем в качестве самого простого примера двух пациентов. Один – назовем его А. – был шизофреником и проходил лечение в психиатрической клинике. Однажды доктор спросил его о том, почему с тех пор, как А. заболел, он перестал играть на скрипке. Пациент ответил возмущенно: «Вы спрашиваете, почему? Вы что, ожидаете, что я стану мастурбировать публично?».

Другому пациенту, Б., однажды ночью снилось, как он играет на скрипке дуэтом с юной девушкой. Он приводил ассоциации с игрой на скрипке: вертеть в руках – мастурбировать (*в англ. языке глагол to fiddle-«играть на скрипке» имеет также значение «вертеть в руках», «теребить» - прим. переводчика*), из чего становилось ясным, что скрипка является репрезентацией его гениталий, а игра на ней – мастурбации. Однако механизмы работы символов в приведенных случаях очень отличаются. Для А. скрипка была до такой степени приравнена к его собственным гениталиям, что дотронуться до нее в присутствии других людей стало невозможным. Для Б. же игра на скрипке в его реальной жизни вне сна являлась важным способом сублимации. Заметим, что основное отличие между этими примерами состоит в том, что для А. символическое значение скрипки находилось на осознании, в то время как для Б. было бессознательным. Однако я не думаю, что это отличие, в то же время, является и наиболее важным. В случае Б. осознание значения сна ни в коей мере не помешало ему пользоваться своей скрипкой. В бессознательном же А. символ скрипки находился на уровне осознания, но, одновременно с этим, большая часть работы символов происходила бессознательно.

Возьмем другой пример – на этот раз, шизофренического пациента в аналитической ситуации. На одну из сессий в первые недели анализа он вошел, покраснев и хихикая, и на протяжении всей сессии не разговаривал со мной. Впоследствии мы выяснили, что часом ранее он посещал класс трудотерапии, где занимался плотничными работами, изготавливая табурет. Причиной его молчания, краски на щеках и хихиканья явилось то, что он не мог заставить себя говорить со мной о работе, которую он выполнял. Для него деревянный табурет, над которым он работал, слово «стул», которое он был бы вынужден в связи с этим использовать, и стульчак в уборной были настолько отождествлены, что он был абсолютно неспособен говорить со мной об этом (*в английском языке это разные значения одного и того же слова «stool». Прим. переводчика*). Его последующий анализ показал, что это приравнивание трех «стульев»: слова, стула и стульчака друг к другу было в то время полностью бессознательным. Все, что находилось на осознании – это его смущение и неспособность говорить со мной.

Основным отличием в использовании первым и вторым пациентом скрипки как символа мужских гениталий является не то, что в одном случае символ являлся осознанным, а в другом – бессознательным, а то, что в первом случае он ощущался так, как будто это действительно *и есть* гениталии, в то время как во втором случае являлся только их *репрезентацией*.

Если исходить из определения, данного Эрнестом Джонсом, скрипка А. – шизофреника – может считаться символом. Аналогично, и скрипка во сне Б. – также символ. Но в реальной жизни Б. она используется для сублимации и символом являться не будет.

В своей статье, написанной в 1916 году, Джонс отграничил бессознательный символизм от других форм «непрямой репрезентации» и сделал несколько заявлений об истинном бессознательном символизме.

В дальнейшем он выявил различия между сублимацией и символизацией. Символы – сказал он – зарождаются, когда аффект, облакаемый в символическое представление, оказывается не столь способным к модификации в том качестве, которое обозначено понятием сублимации, насколько сам связанный с ним символ.

Обобщая утверждения Джонса, можно было бы сказать, что вытесненное или столкнувшееся с конфликтом желание может быть выражено символическим способом, а объект такого желания – смещен в символ.

Дальнейшая аналитическая работа, и, особенно, игровой анализ с маленькими детьми, полностью подтвердили некоторые из основных формулировок Джонса. Первый интерес и первые импульсы ребенка направлены на тела его родителей, а также на собственное тело, и эти бессознательные объекты и импульсы порождают все дальнейшие интересы посредством символизации. Однако утверждения Джонса о том, что там, где присутствуют символы – нет сублимации, вскоре встретили несогласие. Фактически, сам Джонс, также как и Фрейд, написал множество интересных статей, анализируя значение произведений искусства. В 1923, Мелани Кляйн в своей работе об анализе младенцев не согласилась с этой точкой зрения на связь между символизацией и сублимацией. Она старалась показать, что детская игра – сублимационная активность – является символическим выражением тревог и желаний.

Мы можем отнести к этому вопросу как терминологическому и принять точку зрения Джонса о том, что назвать символом можно лишь то замещение объекта, при котором не происходит изменения аффекта. С другой стороны, расширение определения и включение в него символов, используемых в сублимации дает огромные преимущества. В первую очередь, более широкое определение лучше соотносится с его общим лингвистическим использованием. Концепция Джонса исключает большинство значений символа, существующих в других отраслях науки, а также ежедневном использовании. Во-вторых, и я буду развивать эту мысль ниже, похоже, что происходит непрерывное развитие от примитивных символов, описанных Джонсом, до символов, используемых в самовыражении, коммуникации, открытии, создании чего-либо. В-третьих, сложно установить связь между ранними примитивными желаниями и процессами, происходящими в сознании, и дальнейшим развитием личности, если не допустить более широкую концепцию символизма. С аналитической точки зрения, интерес ребенка к внешнему миру обусловлен вытеснением аффектов и интересов от самых ранних до более новых объектов. И, действительно, как могло такое вытеснение быть достигнуто иначе, чем путем символизации?

В 1930 году Мелани Кляйн подняла вопрос о проблеме задержки формирования символа. Она описала маленького четырехлетнего мальчика Дика, страдающего аутизмом, который не мог говорить и играть. Он не показывал ни аффектов, ни тревоги, его не интересовал окружающий мир, за исключением дверных ручек, станций и поездов, которые, казалось, завораживали его. Его анализ показал, что ребенок пребывал в ужасе от собственной агрессии по отношению к телу его матери, и от чувства, что ее тело стало плохим в результате его нападок. Его тревога была такой сильной, что он возвел мощную защиту от своих фантазий о матери. В результате это парализовало его фантазирование и процесс формирования символа. Он не наделял окружающий его мир каким-либо символическим значением, и поэтому не интересовался им. Мелани Кляйн пришла к выводу, что если формирования символизации не происходит, развитие эго полностью останавливается.

Принятие этой точки зрения влечет за собой тот факт, что процессы символизации требуют нового и более тщательного изучения. Я считаю весьма полезным начать с того, чтобы, вслед за Ч. Моррисом, рассмотреть вопрос о представлении символизации как *трехсторонних* отношений, т. е. отношений между символизируемым объектом, объектом, выступающим как символ, и *человеком*, для которого одно символизирует другое. В психологическом понимании символизм будет являться связью между эго, объектом и символом.

Формирование символа – это работа эго, пытающегося справиться с тревогами, вызванными отношениями с объектом. Это, в первую очередь, страх плохих объектов и страх потери или недоступности хороших объектов. Нарушения в отношении эго к объектам приводят также и к нарушениям формирования символа. В частности, нарушения при дифференциации эго и объекта приводят к нарушениям в дифференциации символа и символизируемого объекта и, следовательно, конкретному мышлению, характерному для психозов.

Формирование символа начинается очень рано, возможно, настолько же рано, насколько возникают объектные отношения, но его свойства и функции меняются вместе с характером эго и объектными отношениями. Не только само содержание символа, но способ, с помощью которого формируются и используются символы, представляется мне очень точно отражающим развития эго и его способы взаимодействия с объектами. Если рассматривать символизм как трехсторонние отношения, проблемы формирования символа всегда должны рассматриваться в контексте отношений эго и объектов.

Я постараюсь кратко описать некоторые основные способы взаимодействия эго с объектами, и то, как, по моему мнению, они влияют на процессы формирования и функционирования символизма. В своем описании здесь я опираюсь на концепцию Мелани Кляйн о параноидно-шизоидной позиции и депрессивной позиции. Согласно ей, оральная стадия развития делится на две фазы: ранняя точка фиксации характерна для шизофренической группы болезней, более поздняя – для маниакально-депрессивной. Для моего описания, которое, ввиду необходимости, будет весьма схематичным, я выберу только те точки, которые имеют непосредственное отношение к проблеме формирования символа.

Основными особенностями первых объектных отношений младенца являются следующие. Объект рассматривается как расщепленный на идеально хороший и абсолютно плохой. Целью эго является полное объединение с хорошим объектом и полное уничтожение плохого, как плохих частей себя. Всемогущее мышление является первостепенным, а ощущение реальности – прерывистым и нестабильным. Едва ли на этом этапе есть представление об отсутствии (*absence*). Всякий раз при недостижении состояния единства с идеальным объектом, это ощущается не как отсутствие, а как то, что эго чувствует нападение на хороший объект со стороны своих двойников – плохого объекта или объектов. Это время галлюцинаторного исполнения желаний, описанного Фрейдом, когда мысль создает объекты, кажущиеся потом действительно существующими. По мнению Мелани Кляйн, это также и время плохих галлюцинаций, и если не обеспечены идеальные условия, плохой объект одновременно присутствует в галлюцинациях и ощущается как реальный.

Ведущим защитным механизмом на этой фазе является проективная идентификация. При проективной идентификации субъект в своей фантазии проецирует на объект значительные части себя, и в результате идентифицирует объект с этими своими частями, которые, по его ощущениям, теперь содержит объект. Аналогично внутренние объекты проецируются вовне и отождествляются с частями внешнего мира, которые призваны являться их представлением. Эти первые проекции и идентификации являются началом процесса формирования символа.

Ранние символы, тем не менее, ощущаются эго не как символы или заменители, а как непосредственно первоначальный объект. Они настолько отличаются от символов, которые формируются позже, что, я думаю, заслуживают иметь свое собственное название. В своей статье 1950-го года я предложила термин «приравнивание». Это слово, впрочем, слишком отличается от слова «символ», поэтому я бы хотела заменить его здесь на «символическое приравнивание».

Символическое приравнивание первоначального объекта и символа во внутреннем и внешнем мире, является, по моему мнению, основой шизофренического конкретного мышления, когда свободно используются заменители исходных объектов или частей собственного я, но, как в приведенных мной примерах шизофренических пациентов, эти заменители тяжело отличимы от первоначального объекта символизации. Такие пациенты чувствуют и обращаются с ними так, как если бы они были *идентичны*. Это отсутствие дифференциации между символизируемым объектом и символом является частью нарушения связи между эго и объектом. Части эго и внутренние объекты проецируются на объект и идентифицируются с ним. Дифференциация между Я и объектом становится неясной. Затем, поскольку часть эго спутана с объектом, символ, созданный эго и являющийся его функцией, становится, в свою очередь, перепутанным с символизируемым объектом,

Там, где такие символические приравнивания формируются по отношению к плохим объектам, предпринимаются попытки взаимодействия с ними как с исходными объектами. Такое взаимодействие в итоге сводится к аннигиляции и скотомизации. Из приведенной выше статьи Мелани Кляйн создано впечатление, что Дик не образовал никаких символических связей с окружающей действительностью. Статья была написана на очень раннем этапе анализа Дика, и, учитывая мой собственный опыт общения с шизофрениками, мне интересно, не выяснилось ли впоследствии, что Дик сформировал многочисленные символические приравнивания с внешней действительностью. Если так, то этот опыт наполнен тревогой в отношении первоначального преследующего или вызывающего вину объекта – тела его матери, и Дикун пришлось взаимодействовать с ним посредством аннигиляции и полному удалению интереса.

Некоторые символы, которые были сформированы Диком по мере прогресса анализа и начала проявления интереса к определенным предметам в кабинете, были похожи на символические приравнивания. Например, когда он увидел стружку от карандаша, он сказал: - «Бедная Миссис Кляйн». Для него стружка представляла собой миссис Кляйн, порезанную на куски.

Следующий случай произошел в анализе моего пациента Эдварда. На одном из этапов анализа проявилось, что в основе формирования символа у пациента, в определенной степени, находилось символическое приравнивание, и некоторая тревога сместилась с личности его аналитика, ощущаемого как плохой внутренний объект, на заменители во внешнем мире. Вслед за этим, в отношении многочисленных преследователей из внешнего мира был применен процесс скотомизации. Этот этап его анализа, который длился несколько месяцев, характеризовался крайним сужением круга его интересов во внешнем мире. В тот момент очень бедным стал и его словарный запас. Он запретил себе и мне применять многие слова, которые, по его ощущениям, могли вызывать галлюцинации и, следовательно, должны были быть уничтожены в речи. Это поразительно напоминает поведение парагвайского племени абипонов, которые не выносят ничего, что могло бы напомнить им о мертвых. Когда член племени умирает, все слова, имеющие сходство с именами умерших немедленно исключаются из лексикона. В результате, их язык является наиболее трудным для изучения, так как он полон запретов и неологизмов, заменяющих запрещенные слова.

Развитие эго и изменения, произошедшие в отношениях эго и объектов являются постепенным процессом, так же происходит и изменение от ранних символов, которые я называю символическими приравниваниями, к полностью сформированным символам в депрессивной позиции. По этой причине и только в целях внесения ясности я приведу здесь очень четкую дифференциацию между отношениями эго в параноидно-шизоидной и в депрессивной позиции, и, соответственно, такую же четкую дифференциацию между символическими приравниваниями и символами, которые формируются во время и после депрессивной позиции

По достижении депрессивной позиции основной характеристикой объектных отношений является ощущение целостности объекта. В связи с этим имеет место более значительный уровень осознания и дифференциации раздельности эго и объекта. В то же время, поскольку объект осознается целостным, более полно ощущается и амбивалентность. На этой фазе эго борется с собственной амбивалентностью, а эго

отношения с объектом обусловлены чувством вины, страхом потери или реальным опытом потери и траура, а также стремлением вновь воссоздать объект. Одновременно с этим процессы интроекции становятся более выраженными, чем те проекции, которые направлены на сохранение внутреннего объекта, а также на его репарацию, восстановление и воссоздание.

В благоприятных условиях нормального развития, после повторяющегося опыта потери, восстановления и воссоздания хороший объект надежно закрепляется в эго. Эти изменения отношений с объектом, по мере того, как эго развивается и наполняется, фундаментальным образом влияют на ощущение эго реальности. С возросшей осознанностью амбивалентности, уменьшением интенсивности проекции, а также увеличивающейся способностью к дифференциации между Я и объектом, возрастает также и способность к чувствованию реальности, как внутренней, так и внешней. Внутренний мир начинает быть дифференцированным от внешнего. Всемогущие мышление, характерное для более ранней фазы, постепенно уступает место мышлению более реалистичному. Одновременно с этим, в рамках того же процесса, происходит определенная модификация первичных инстинктивных целей. Ранее целью являлось полное обладание объектом, если он ощущался как хороший, или его тотальная аннигиляция, если он ощущался плохим. С осознанием того, что плохой и хороший объект на самом деле одно целое, эти инстинктивные цели постепенно претерпевают изменения. Эго становится все более направленным на спасение объекта от своей агрессии и собственнических чувств. Это предполагает определенную степень подавления прямых инстинктивных целей, как агрессивных, так и либидиозных.

Данная ситуация мощным образом стимулирует образование символов, они обретают новые функции, и, в результате, меняют свой характер. Символ необходим, чтобы сместить агрессию с исходного объекта и уменьшить, таким образом, чувство вины и страх потери. Символ в данном случае не эквивалентен исходному объекту, поскольку цель этого смещения – сохранить объект, и испытываемое при этом чувство вины гораздо менее сильно, чем при атаках на первоначальный объект. Символы создаются также и во *внутреннем* мире как средства, позволяющие восстановить, воссоздать, вновь захватить и вновь обладать исходным объектом. Но благодаря возросшему чувству реальности сейчас эти символы ощущаются созданными эго, и, следовательно, они никогда полностью не приравнены к исходному объекту.

Фрейд постулирует, что изменение инстинктивных целей является базовой предпосылкой к сублимации. На мой взгляд, формирование символов в депрессивной позиции требует некоторого подавления прямых инстинктивных целей по отношению к исходному объекту, в результате чего символы становятся доступными для сублимации. Символы же, созданные внутренне, могут проецироваться во внешнюю действительность, наделяя ее символическим смыслом.

Способность к проживанию потери и желание восстановления объекта внутри себя позволяют личности чувствовать бессознательную свободу в использовании символов. И поскольку символ, в отличие от символического приравнивания, осознается как то, что создано субъектом, он может свободно им использоваться.

Использование заместителя во внешней действительности как символа может использоваться более свободно, чем использование исходного объекта, поскольку они не полностью отождествляются друг с другом. Однако в той же степени, в которой ощущается отличие заместителя от исходного объекта, он сам по себе также признается в качестве объекта. Его собственные свойства известны, уважаются и используются, поскольку никакая спутанность с исходным объектом не размывает характеристики того нового объекта, который используется в качестве символа.

В анализе мы иногда можем очень четко проследить за изменениями в символических отношениях через отношение пациента к своим фекалиям. На шизоидном уровне пациент ожидает, что его фекалии должны быть идеальной грудью; если он не может поддерживать эту идеализацию, фекалии становятся преследующими и выбрасываются, как надкушенная, разрушенная и преследующая грудь. Если пациент

пытается символизировать свои фекалиями во внешнем мире символов – эти символы будут ощущаться как фекалии-преследователи. Никакой сублимации анальной деятельности в этих условиях произойти не может.

На депрессивном же уровне присутствует ощущение, что интроецированная грудь была разрушена эго и может быть восстановлена эго. В этом случае фекалии могут ощущаться как нечто, создаваемое эго вне объекта, и в итоге расценены как символ груди и, одновременно с этим, как хороший продукт творчества эго.

Когда устанавливается это символическое отношение к фекалиям и другой продукции собственного тела, тогда может происходить и проекция на объекты во внешнем мире, такие, как краски, пластилин, глина, и т. д., которые затем могут быть использованы для сублимации.

Достижение этого этапа развития, разумеется, не является необратимым. Если тревоги слишком сильны, регрессия к параноидно-шизоидной позиции может произойти на любом этапе развития личности, и проективная идентификация может быть использована в качестве защиты от тревоги. Вслед за этим символы, которые были достаточно развиты и функционировали как символы в сублимации, возвращаются к состоянию конкретных символических приравнений. Это, в основном, объясняется тем, что при постоянном использовании проективной идентификации эго вновь становится спутанным с объектом, а символ – спутанным с символизируемым объектом, и, следовательно, превращается в приравнение.

В приведенном в начале статьи примере шизофренического пациента произошло разрушение уже установившейся сублимации. До того, как случился его шизофренический срыв, скрипка исполняла функцию символа и была использована в целях сублимации. Во время его болезни она стала буквально приравнена к половому члену. Те слова, использование которых, безусловно, было развито в то время, когда эго было относительно развитым, стали отождествляться с объектами, которые они должны представлять, и начали восприниматься как конкретные объекты в результате проективной идентификации, когда возникла спутанность между символами в эго: словом, или даже мыслью, и объектом, который они должны символизировать.

В данный момент мне хотелось бы обобщить, что же именно я понимаю под символическим приравнением и, соответственно, символом, а также условиями, при которых они возникают. В символическом приравнении символ-заменитель ощущается как *то, что это и есть* исходный объект. Собственные свойства заменителя не осознаются или не признаются. Символическое приравнение используется для того, чтобы отрицать отсутствие идеального объекта или для контроля за преследующим объектом. Оно характерно для самой ранней стадии развития.

Символ истинный, доступный для сублимации и развития эго, ощущается как *репрезентация* объекта; его собственные характеристики осознаются, признаются и используются. Он возникает, когда депрессивные чувства доминируют над параноидно-шизоидными и имеется возможность пережить и вынести отделение от объекта, амбивалентность, чувство вины и потери. Символ используется не для отрицания потери, но для ее преодоления. Когда механизм проективной идентификации используется в качестве защиты против депрессивной тревоги, уже сформированные и функционирующие символы могут вернуться на стадию символического приравнения.

Формирование символа определяет способность к коммуникации, поскольку общение полностью осуществляется с помощью символов. Когда у шизоида происходит нарушение в объектных отношениях, нарушается также и способность к общению: во-первых, потому что стирается различие между субъектом и объектом, во-вторых, потому что недостает средств коммуникации, поскольку символы приобрели конкретную форму и, следовательно, недоступны для целей коммуникации. Эта затрудненность в коммуникации является одной из постоянно повторяющихся сложностей в анализе психотических пациентов. Например, слова аналитика или пациента чувствуются как объекты или действия, и не могут быть легко использованы для целей коммуникации.

Символы необходимы не только в целях связи с внешним миром, но для внутренней коммуникации. На самом деле можно задать вопрос, что мы имеем в виду, когда говорим о людях, которые находятся в хорошем контакте со своим бессознательным. Это не означает, что их фантазии примитивны и находятся на осознании вместе с теми фантазиями, что были выявлены в результате их аналитической работы. Это означает то, что они имеют какое-то представление о своих импульсах и чувствах. Я думаю, что мы имеем в виду даже большее – мы подразумеваем, что они находятся в настоящей коммуникации со своими бессознательными фантазиями. И это, как и любая другая форма общения, может быть возможным только при помощи символов. Таким образом, люди, находящиеся в контакте с собой обладают постоянной возможностью свободной символизации, благодаря которой могут осознавать и контролировать символические выражения более ранних примитивных фантазий. Сложность взаимодействия с шизофрениками и шизоидными пациентами заключается не только в том, что они могут коммуницировать с нами, но еще более в том, что они не могут общаться сами с собой. Любая часть их эго может быть отщеплена от другой части, и между ними будет отсутствовать какая-либо связь.

Способность взаимодействия с самим собой с помощью символов, является, по моему мнению, основой вербального мышления и означает возможность коммуникации с самим собой посредством слов. Не все внутренние коммуникации являются речевым мышлением, но вербальное мышление – это всегда внутренняя коммуникация с помощью символов-слов.

Важным аспектом внутренней коммуникации является интеграция ранних желаний, тревог и фантазий на более поздних этапах развития символизации. Например, в развитой генитальной функции могут быть символически выражены и удовлетворены все более ранние стремления – анальное, уретральное и оральное, что прекрасно описано в работе Ференци «Таласса».

Сказанное подводит меня к последнему вопросу, рассматриваемому в моей статье. Я полагаю, что одной из важных задач, выполняемых эго в депрессивной позиции является взаимодействие не с теми депрессивными переживаниями, с которыми приходится справляться в одиночку, но с нерешенными ранее конфликтами. Новое достижение, приобретенное в депрессивной позиции: способность символизировать, и таким образом, снижать уровень тревоги и разрешать конфликты, используется для взаимодействия с *более ранними* неразрешенными конфликтами путем их символизации. Тревоги, взаимодействие с которыми ранее было невозможным ввиду того, что при использовании символического приравнивания сам объект и объекты-заменители проживаются предельно конкретно, постепенно могут разрешаться более интегрированным эго путем символизации, и, таким образом, могут быть интегрированными сами. В депрессивной позиции и позднее формируются не только символы разрушения и восстановлению объекта, характерных для депрессивной позиции, но также и символы расщепленного на идеально хороший или абсолютно плохой объект, а также частичных объектов. Некоторые параноидные и идеальные представления об объектных отношениях и тревогах могут быть символизированы как часть процесса интеграции в депрессивной позиции.

Отличным примером является сказка. В ее основе ведьма и фея-крестная, Прекрасный принц, людоед и т. д., и в этом есть много шизофренического содержания. Однако это хорошо интегрированная продукция, художественное творчество, которое очень полно символизирует ранние тревоги и желания ребенка. Я хотела бы проиллюстрировать функции сказки материалом из анализа шизофреника-подростка. Эта девушка галлюцинировала и болела открытой формой шизофрении с четырехлетнего возраста. Тем не менее, она обладала многочисленными депрессивными чертами, и в ее жизни случались периоды относительно хорошей интеграции. В такие фазы, когда ослабевало чувство преследования, и она, по ее словам, могла испытывать некоторую тоску по родителям, она писала сказки. В плохие фазы герои ее сказок оживали и преследовали ее. Однажды после многих недель молчания, и, очевидно, галлюцинаций о преследовании, она вдруг повернулась ко мне и спросила с большим страхом в голосе: «А что ланкаширские ведьмы?». Я никогда не слышала о ланкаширских ведьмах, она никогда не упоминала о них раньше, но я знала, что она сама приехала из Ланкашира. После нескольких интерпретаций она рассказала мне о том, что когда ей было

около 11 лет (в то время она почти целый год была свободна от галлюцинаций), она написала сказку о ведьмах в Ланкашире. После этой сессии в ее анализе наступил очень показательный период. Оказалось, что ланкаширские ведьмы представляли собой ее саму и ее мать. Тревожная ситуация вернула ее в раннее детство, и она увидела себя и ее мать пожирающими друг друга или отца. Когда был достигнут более высокий уровень интеграции, и установилось более реалистичное отношение к родителям, произошло взаимодействие с ранней ситуацией путем образования символа – написания сказки о ланкаширских ведьмах.

В последствии, когда ее здоровье ухудшилось, ранняя ситуация преследования повторилась с конкретной интенсивностью, но в новой форме. Сказка ожила: ланкаширские ведьмы – сказочные фигуры, созданные ей самой, стали внешней реальностью. В кабинете было совершенно понятным то, как эта конкретизация сказки зависит от проективной идентификации. Она повернулась ко мне и спросила меня о ланкаширских ведьмах. Она ожидала, что я знаю, кто они такие. На самом деле, она думала, ланкаширская ведьма – это я. Бессознательно она фантазировала, что поместила в меня ту часть себя, которая придумала ланкаширских ведьм, и она потеряла контакт с этой частью. Она потеряла чувство реальности в этой проекции и всю память о том, что она создала этот символ – ланкаширских ведьм. Ее символ смешался с реальным внешним объектом – мной, и поэтому стал для нее конкретной внешней реальностью – я превратилась в ланкаширскую ведьму.

Способ, при помощи которого взрослеющее эго в процессе проработки депрессивной позиции справляется с объектными отношениями, имеет первостепенное значение. В депрессивной позиции может быть достигнута некоторая интеграция, а также полное формирование объектных отношений, и это может сопровождаться расщеплением из раннего опыта эго. В такой ситуации в эго изолированно существует что-то вроде карманной шизофрении, и это является постоянной угрозой для стабильности. В худшем случае, происходит психическое расстройство и в эго вторгаются ранние тревоги и расщепленные символические приравнивания. В лучшем случае, относительно зрелое, но ограниченное эго может развиваться и функционировать.

Однако, если эго в депрессивной позиции достаточно сильно и способно справиться с тревогами, гораздо большее количество ранних ситуаций могут быть интегрированы в эго и проработаны путем символизации, обогащая эго предшествующим опытом.

Слово «символ» происходит от греческого термина, используемого для совместного метания, сближения, интеграции. Мне кажется, формирование символа – это продолжительный процесс объединения и интеграции внешнего и внутреннего, субъекта и объекта, раннего и более позднего опыта.

ССЫЛКИ:

FREUD, S. The Ego and the Id.

JONES, ERNEST 1916 'The Theory of Symbolism.' Papers on Psycho-Analysis

KLEIN, MELANIE 1930 'On the Importance of Symbol Formation in the Development of the Ego.' Contributions to Psycho-Analysis, 1921-45 [→]

MORRIS, C. 'Foundations of the Theory of Signs.' International Encyclopedia of Unified Science 2
2 RODRIGUEZ, E. 'Notes on Symbolism.' Int. J. Psychoanal. 37 [→]

2 RYCROFT, C. 'Symbolism and its Relation to Primary and Secondary Processes.' Int. J. Psychoanal. 37 [→]
SEGAL, H. 1950 'Some Aspects of the Analysis of a Schizophrenic.' Int. J. Psychoanal. 31 [→]

SEGAL, H. 1952 'A Psycho-Analytic Contribution to Aesthetics.' Int. J. Psychoanal. 33 [→]

SEGAL, H. 1955 'Depression in the Schizophrenic.' *Int. J. Psychoanal.* 36 [→]